

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82:929 Потебня

С. Л. Попов

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПОТЕБНИ КАК ПРЕДВЕСТНИКИ ТЕОРИЙ ВОСПРИЯТИЯ И АРГУМЕНТАЦИИ

С. Л. ПОПОВ. ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧІ СПОСТЕРЕЖЕННЯ ПОТЕБНІ ЯК ПРОВІСНИКИ ТЕОРИЙ СПРИЙНЯТТЯ ТА АРГУМЕНТАЦІЇ

У статті аналізуються літературознавчі погляди Потебні, що корелюють з основними положеннями сучасних теорій сприйняття й аргументації. Аналіз проводиться із застосуванням когнітивно-еволюційного підходу, що дозволяє розглядати створені людиною сутності з позицій їх обумовленості потенційно еволюціонуючими когнітивними структурами. Вивчається співвідношення спостережень Потебні з поняттями синкретичного, поверхневого та альтернативного сприйняття. Демонструється критичне ставлення Потебні до двох способів переконання: апелювання до традиції і до авторитету, які в сучасній теорії аргументації вважаються найпоширенішими видами неуніверсальних аргументів.

Ключові слова: поезія, проза, логіка, сприйняття, аргументація.

С. Л. ПОПОВ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПОТЕБНИ КАК ПРЕДВЕСТНИКИ ТЕОРИЙ ВОСПРИЯТИЯ И АРГУМЕНТАЦИИ

В статье анализируются литературоведческие взгляды Потебни, коррелирующие с основными положениями современных теорий восприятия и аргументации. Анализ проводится с применением когнитивно-эволюционного подхода, позволяющего рассматривать созданные человеком сущности с позиций их обусловленности потенциально эволюционирующими когнитивными структурами. Изучается соотношение наблюдений Потебни с понятиями синкретичного, поверхностного и альтернативного восприятия. Демонстрируется критическое отношение Потебни к двум способам убеждения: апеллированию к традиции и к авторитету, которые в современной теории аргументации считаются наиболее распространенными видами неуниверсальных аргументов.

Ключевые слова: поэзия, проза, логика, восприятие, аргументация.

S. L. POPOV. POTEBNYA'S LITERARY OBSERVATION AS A PRECURSOR TO THE THEORY OF PERCEPTION AND REASONING.

Potebnya's literary views, correlating with the basics of the contemporary theories of perception and reasoning are analyzed in the article. The analysis is carried out with application of the cognitive and evolutionary approach that allows to study human-created substances from the perspective of their being determined by potentially evolving cognitive structures. Correspondence between Potebnya's observation and the concepts of syncretical, superficial and alternative perception is examined. Potebnya's critical attitude towards the two ways of persuasion: reference to the tradition and to the authority is shown. These two ways of persuasion are considered the commonest types of non-universal arguments in the contemporary theory of reasoning.

Keywords: poetry, prose, logic, perception, reasoning.

О научном творчестве Потебни (мы намеренно не указываем имя и отчество или инициалы этого ученого, приравнивая его к тем мыслителям, которые по прошествии времени обозначаются одной, всеми узнаваемой номинацией) написано множество работ. Исследователи отмечают энциклопедизм Потебни, который проявил себя как обладающий даром научного предвидения лингвист, литературовед, психолог, философ, этнограф, фольклорист. Неудивительно, что некоторые аспекты его научного наследия остаются нераскрытыми. Разновидностью этого недостатка является невнимание ученых к доказательно

© С.Л. Попов, 2016

<http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.48898>

представленным Потебней реалиям, имеющим важное значение для современной науки, которая характеризуется переходом от имеющих несомненные научные заслуги структурализма к антропоцентризму, объясняющему полученные структурализмом данные их корреляцией со всем имеющим отношение к человеку. Существенным проявлением такого общенаучного антропоцентризма является когнитивизм, получивший широкое распространение в лингвистике, объясняющий причины языковых явлений их обусловленностью когнитивными структурами: мышлением, восприятием, памятью, вниманием и т. п., изучением которых занимаются различные антропонауки. В качестве одного из направлений когнитивной лингвистики может рассматриваться предложенный нами к изучению русской грамматической вариантности когнитивно-эволюционный подход, который используется в современной эволюционной эпистемологии [4; 5] и в применении к грамматическим вариантам характеризуется вниманием к эволюции когнитивной, прежде всего перцептивно-логической, обусловленности грамматических явлений [7; 8; 6]. По нашему убеждению, когнитивно-эволюционный подход может быть применен и к явлениям, которые традиционно являются объектами литературоведения.

Целью настоящей статьи является доказывание того, что некоторые литературоведческие наблюдения Потебни могут быть рассмотрены как предвестники современной психологической теории восприятия (пункт 1) и относительно молодой, утверждающейся на стыке логики, психологии, классической и лингвистической риторик, социологии, теории социальной коммуникации и других антропонаук – теории аргументации (пункт 2).

1. Когнитивно-эволюционный подход позволяет установить, что качество логики (логичность) людей любого возраста и этнической принадлежности зависит от качества присущего им восприятия: восприятия синкретичного, поверхностного и альтернативного. Эти степени восприятия выделяются на основании достижений этнической и детской психологий. Синкретичное восприятие характеризуется целостностью, нерасчлененностью воспринимаемого. Поверхностное восприятие ориентировано на ближайшие, наиболее заметные или другим образом воспринимаемые сущности или признаки. Альтернативное восприятие связано с возможностью обоснованного выбора из имеющихся альтернатив сущностей или признаков. История перцептивного прогресса человечества – в фило- и онтогенезе – есть эволюция от синкретизма – через поверхностность – к альтернативности восприятия как к перцептивной норме (см. об этом, например, [7, с. 5–105; 8, с. 90–91; 6, с. 109–140]). Ниже мы намерены продемонстрировать, что определенные, убедительно аргументированные литературоведческие наблюдения Потебни коррелируют с указанными степенями восприятия и потому могут считаться предвосхищением указанных психологических построений.

1.1. Вначале обратимся к ранней, но быстро ставшей известной, получившей одобрение П. А. Лавровского, И. И. Срезневского и многих других ученых, работе Потебни – его магистерской диссертации «О некоторых символах в славянской народной поэзии». В ней автор отмечает, что в народной поэзии всегда происходит ассоциативное соотнесение (понимаемое широко: как сравнение, соположение, противопоставление) личного – за себя или за кого-то другого – переживания или просто мнения о нем с явлениями окружающей действительности, чаще всего явлениями природными и – реже – с артефактными. С позиций современной теории восприятия вполне очевидно, что это соотнесение происходит по принципу поверхностности восприятия: воспринимается в первую очередь та ассоциация, которая наиболее заметна как быстрее оказывающаяся в поле в первую очередь зрения, реже – слуха, обоняния, осязания, вкуса.

Например, Потебня отмечает: «Калина стала символом девицы потому же, почему девица названа красною, по единству основного представления огня – света в словах: *девица, красный, калина*» [11, с. 5]. Потебня аксиоматически не пишет об этом, но вряд ли мог бы не признать, что в жизни древних славян именно калина могла стать наиболее заметным явлением природы, с которым можно было ассоциировать девицу (условно говоря) по красному цвету. Очевидно, разводимые по приказу Юрия Долгорукого вишни не сразу стали достоянием простых людей. Однако если бы древние восточные славяне выращивали вишни или, скажем, гораздо позже появившиеся у них помидоры (ведь и те и другие цветут и плодоносят), то эти растения с присущими ими красными плодами теоретически тоже могли бы стать символами девицы.

Потебня приводит примеры из народных песен, собранных А. Л. Метлинским: *Над горою високою голуби літають: Я роскоши не зазнала, а літа минають; Ой гилля, гилля, сизі голу-*

боньки на високе літання: Та уже важко, мое серденько, та с тобою горювання; Ой з-за гори из-за кручи орли вилітають: Не зазнаю я роскоши, – вже й літа минають – и пишет: «Высокое летанье птиц имеет смысл ничем не стесняемой свободы; чеш. *Vujetiy*, пол. *bujac*, рус. *ширять*, *парить* значат не только высоко, но и привольно летать. Такому ширяню противопоставляется горе, стесненное положение человека, отсутствие роскоши, то есть раздолья, свободы, что, разумеется, предполагает сравнение счастливого человека с высоко летящей птицей» [11, с. 7]. Очевидно, что древние славяне, как и их чужестранные современники, не могли быстрее всего заметить в природе нечто другое, символизирующее свободу, помимо птичьего полета. Свободу поведения рыб в воде (ср. *как рыба в воде*) или дуновений, порывов ветра (ср. *вольный как ветер*) заметить можно, но не так быстро, как свободу полета птиц.

Далее Потебня демонстрирует множество других народных соотнесений переживаний и мнений с поверхностно воспринимаемыми в первую очередь явлениями действительности. Так, голод, жажду, любовь, радость, гнев народ соотносит с огнем, желание – с питьем, утолением жажды, битву – с пиром, смерть – со сном, печаль – с дорожной пылью, обморожение кожи – с огнем, позитивные душевные состояния – со светом солнца, месяца (Луны), звезды, горе – с темной ночью, тонкую ткань – с дымом, надевание одежды – с покрывающимся листвой деревом, изобилие – с пчелиным роем, любовные связи – с уздой, власть – с веревкой и ключом [11, с. 9–15, 19, 23–27, 33, 63–66, 73–74, 81–85].

Здесь Потебня не объясняет такие соотнесения их заметностью в первую очередь, то есть поверхностным восприятием, но очевидно, что он не делает это потому, что в данной работе не ставит перед собой такой задачи. В то же время отобранный и проанализированный им материал убедительно доказывает существование первобытной поверхностности восприятия. В этом смысле показанные результаты литературоведческих наблюдений Потебни могут считаться предтечей современной психологической теории восприятия.

1.2. То, что Потебня хорошо знал, что такое поверхностность восприятия, доказывается следующими его наблюдениями. Ученый корректно, хотя при этом жестко и едко полемизируя с Белинским, настаивающим на том, что полет фантазии художника слова не нуждается в предварительном изучении описываемого, доказывает, что уже не первобытно-народные, а современные ему поэты и прозаики могут творить, то есть создавать художественные произведения, только опираясь на личный опыт, то есть на нечто прежде ими познанное. Потебня доказывает это эмпирически верифицируемо: путем цитирования бумажно-достоверных высказываний по этому поводу самих поэтов и прозаиков [9, с. 308–330]. Эта особенность познания – новое через известное – является одним из центральных положений психологической теории восприятия, и это литературоведческое наблюдение вполне объяснимо поверхностностью восприятия. Дело здесь не в том, что автор того времени не мог описывать жизнь, не зная ее, а в том, что такой автор не был способен абстрактно представить альтернативу той жизни, которую он уже познал, – писатели-фантасты во второй половине XIX века лишь начинали появляться, а хорошо известные к тому времени писатели-утописты работали на самом надежном контрасте – антонимическом. Так Потебня предоставил современным психологам веское доказательство существования поверхностности восприятия у поэтов и писателей – классиков.

То, что Потебня отлично осознавал явление, сегодня называемое поверхностным восприятием, подтверждается и фрагментами его лингвофилософского произведения «Мысль и язык». В нем Потебня вспоминает дам из «Мертвых душ»: одна полагает, что губернаторская дочь «манерна нестерпимо», а «румянец на ней в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками», а другая убеждена в том, что дочь губернатора – «статуя и бледна как смерть». Ученый объясняет такое различие мнений тем, что «все находящееся в душе расположено не на одном плане, но или выдвинуто вперед, или остается вдали» [10, с. 99, 104]. Понятно, что выдвинутое вперед может быть поверхностно воспринято как единственное, что Потебня и обосновал.

Очевидно и то, что ученый осознавал эволюционную преемственность поверхностности восприятия как сменяющей в онто- и филогенезе восприятие синкретичное, представляющее собой нулевую степень восприятия, которая характеризуется нерасчлененностью познанных сущностей. В работе «О некоторых символах в славянской народной поэзии» Потебня пишет, что «символ как приложение сливается с обозначаемым в одно целое», например *конь-сокол*, что «может быть отнесено к тому времени, когда человек не отделял себя от внешней природы» [11, с. 6]. Следует добавить: не отделял не только себя от природы, но и любое природное явле-

ние от другого. В работе «Психология поэтического и прозаического мышления» Потебня, ссылаясь на Спенсера, ясно дает понять, что хорошо знаком с синкретизмом восприятия у первобытных людей, полагающих, «что если целое обладает известными свойствами, то и всякая часть такого целого обладает теми же свойствами. Убивается враг, – и для обладания его храбростью съедается его сердце (племя дакота) или для приобретения его дальновзоркости – его глаза (новозеландцы). Все это совершенно правильные способы заключения от нерасчлененного целого». Однако данной констатацией Потебня не ограничивается – он видит это когнитивное явление исторически: «Такие же примеры мы можем найти и среди нас. Сюда относятся все чары на след. Надобно, положим, заставить человека полюбить, – так сказать, подчинить всего его себе; но вместо всего человека берется часть его, след, волос и проч., и над этой частью производятся операции, долженствующие оказать действие на целое» [12, с. 220].

1.3. При трактовке различия между поэтическим и прозаическим мышлениями Потебня максимально приблизился к понятиям трех степеней восприятия. Он соотнес поэтическое мышление с образностью, которая создается путем первого, то есть, несомненно, поверхностного, восприятия возможности выразить что-то новое (и именно так, по Потебне, образуются новые слова, которые в современной лексико-семантической трактовке считаются новыми значениями или лексико-семантические вариантами (ЛСВ) слов). Прозаическое мышление ученый соотнес с научностью, которая со всей очевидностью коррелирует с альтернативностью восприятия [12, с. 231–234]. Потебня хорошо сознавал, хотя и не употреблял соответствующие термины, что переход от синкретизма к поверхностности и от поверхностности к альтернативности восприятия прямо зависит от средового (в широком смысле слова) фактора: «Вообще мысль мужчины шире, подвижнее, изменчивее в силу новых входящих в нее стихий, чем мысль женщины, заключенной в кругу медленно изменяющегося домашнего быта, более близкой к природе и неподвижному разнообразию ее явлений. Женщина – преимущественно хранительница обрядов и поверий давно застывшего и уже непонятного язычества. Оттого связь с языком и символизм, характеризующие женские песни, встречаются в мужских в гораздо меньшей степени. Символизм находится в обратном отношении к силе посторонних влияний, а потому он необходимее и яснее у русских и сербов, чем в песнях чехов, лужичан, хорутан, поляков» [11, с. 8].

Сопоставляя в работе «Психология поэтического и прозаического мышления» указанные в названии типы мышления, Потебня не разделил поэтичность на два вида – народную (первобытную) и цивилизованную (относительно современную – классическую, современную Потебне, и собственно современную, до которой Потебня не дожил). По сути, до этого разделения (разумеется, если бы он ставил перед собой задачу постижения всех возможных степеней восприятия) Потебне оставался единственный незначительный шаг, ведь, как показано выше, для него различие между поэзией народной и современной было совершенно очевидно. Следовательно, имеются все основания отсутствие этого шага в работе «Психология поэтического и прозаического мышления» полагать формальным, несущественным. Именно поэтому мы считаем противопоставление Потебней в других работах поэзии народной, поэзии современной и соотносимой с наукой прозы коррелирующим с современным психологическим противопоставлением синкретизма, поверхностности и альтернативности восприятия.

2. В тесной понятийной связи со степенями восприятия пребывают аргументы теории аргументации. Поскольку это сравнительно новая научная дисциплина, будет корректным дать ее краткую характеристику.

Корни теории аргументации уходят в античность. С периода VII–II веков до н. э., названного К. Ясперсом «осевым», в Китае, Индии и на Западе, особенно в Греции – в рамках риторики, происходило преодоление мифологического мировосприятия, то есть синкретичного и в значительной мере поверхностного восприятия себя и окружающей действительности, проявившееся в том числе в потребности обоснования своих идей [15, с. 34]. Однако данное обоснование долгое время характеризовалось преувеличением достоинств силлогизмов и невниманием к эмпирическому подтверждению. Лишь к середине XX века разработчики аргументации («новой риторики»), со всей очевидностью обладая альтернативным восприятием, преодолели эти недостатки, а также обратили внимание на возможность обоснования идей путем ссылок на традицию, авторитет, здравый смысл, интуицию, веру, вкус и т. п. [3, с. 8–13]. Однако о состоянии полного развития теории восприятия сегодня говорить преждевременно: «Можно сказать, что современная теория аргументации, – замечает А. А. Ивин, – находится в процессе бурного развития, напоминаю-

шего развитие теории света накануне возникновения корпускулярной оптики И. Ньютона или развитие теории эволюции живых существ перед возникновением теории Ч. Дарвина» [3, с. 13].

Основные понятия этой теории – аргументация, довод, или аргумент, и тезис. «*Аргументация – это приведение доводов с целью изменения позиции или убеждений другой стороны (аудитории)*. Довод, или аргумент, представляет собой одно или несколько связанных между собой утверждений. Довод предназначается для поддержки *тезиса аргументации – утверждения, которое аргументирующая сторона находит нужным внушить аудитории, сделать составной частью ее убеждений*» [3, с. 5–6].

Типы аргументов делятся на универсальные, применимые в любой аудитории, и неуниверсальные, применимые не в любой аудитории.

К универсальным типам аргументов относятся: 1) эмпирические: прямое эмпирическое подтверждение, или прямая эмпирическая верификация, и косвенная эмпирическая верификация; 2) теоретические: логическое обоснование, системная аргументация, методологическая аргументация и другие [3, с. 75].

К неуниверсальным типам аргументов относят ссылки на традицию, авторитет, интуицию, веру, здравый смысл, вкус и др. [3, с. 103].

В записках, объединенных названием «Пессимизм и ретроспективность мысли», включенных учениками Потебни после его смерти в сборник, названный ими «Из записок по теории словесности», Потебня, говоря о пессимизме народной поэзии, обосновывает несостоятельность двух наиболее слабых, по его мнению, способов убеждения – апелляций к традиции и к авторитету, которые сегодня в теории аргументации считаются наиболее известными из неуниверсальных, то есть далеко не самых убедительных, аргументов. Для подтверждения того, что Потебня действительно предвосхитил признание разработчиками теории аргументации значительной распространенности двух этих несостоятельных аргументов, сопоставим его доводы с положениями указанной теории.

2.1. Аргумент к традиции – один из двух, наряду с аргументом к авторитету, наиболее частотных неуниверсальных типов аргументов: «Традиция представляет собой анонимную, стихийно сложившуюся систему образов, норм, правил и т. п., которой руководствуется в своем поведении достаточно обширная и устойчивая группа людей». Традиционализму присущи консерватизм, отказ от новаторства, следующие из него средневековые неиндивидуальность и анонимность художественных и научных произведений [3, с. 104–107]. Последствием неиндивидуальности является и принятое в научном стиле безличное или от первого лица не единственного, а множественного числа повествование, свидетельствующее о синкретичном неотделении индивидуального сознания от общественного [3, с. 106–107]. С точки зрения антитрадиционализма, традиционализм является «предрассудком, который должен быть преодолен с помощью разума» [3, с. 105], качество строя которого – логики – зависит от качества восприятия. Понятно, что антитрадиционализм отражает когнитивно-эволюционный подход к оценке традиций, поскольку исходит из принципа историзма, то есть изменчивости чего угодно под влиянием каких-либо факторов. В целом стабилизирующая роль традиций в разных сферах человеческой жизни несомненна, однако при когнитивно-эволюционном их рассмотрении становится очевидной необходимость избавления от тех традиций, которые, являясь следствием синкретизма или поверхностности восприятия, тормозят процесс эволюции.

По убеждению Потебни, «мы придаем величайшее значение ... опыту прежних веков, но для нас свидетельства истории имеют особый смысл. Мы знаем, что так называемая истина входит в мир узкими вратами личных мнений. Господство известного мнения, его популярность в данное время служат для нас не доказательством его истинности, а, напротив, указанием на то, что это мнение достигло поры, когда оно должно измениться, и на то, в каком направлении должно произойти это изменение. Человек ... предания думает иначе: «Что говорят все, то должно быть истинно; что все делают, то должно быть правильно; <...> что лично, то тем самым ложно и грешно <...>». <...> Первобытное время есть время господства привычки, переносимой верования, обряды и традиции в новое состояние общества, отличное от того, среди коего они возникли <...>. Быстрые изменения жизни нового времени связаны с твердою верою в себя, в превосходство личной мысли ..., настоящего и будущего – перед прошедшим; напротив, относительная неподвижность низших слоев нового общества, указывающая на такую же и большую неподвижность всего общества в древнее время, связана с мечтательно-любовным отношением к

прошедшему, с его идеализацией и обоготворением» [9, с. 408–409]. Здесь мы наблюдаем не только негативное личное отношение Потебни к тормозящей эволюцию традиционности – мы видим обоснование такой традиционности ее первобытностью. И это очевидное предвосхищение приведенных выше положений теории аргументации.

2.2. Вторым распространенным типом неуниверсальных аргументов является аргумент к авторитету: «*Аргумент к авторитету – это ссылка на мнение или действия лица, прекрасно рекомендовавшего себя в данной области своими суждениями или поступками*» [3, с. 110]. Аргумент к авторитету очень важен в первобытном обществе. Так, представители проживающей в Либерии народности кпелле демонстрируют примеры исключительной социальной важности авторитетных людей: «Для школьника факты истинны, поскольку о них сообщает учитель, и редкими бывают попытки найти иные основания или самостоятельно доказать эти факты. <...> Предмет обсуждения отступает на задний план перед личностью обсуждающего» [2, с. 334–335] (вряд ли такие примеры совсем отсутствуют в европейских школах). А. Арно и П. Николь свидетельствовали о том же в XVII веке: «...самые частые ложные умозаключения – те, которые делают, когда смело судят об истине вещей, основываясь на авторитете, недостаточном, чтобы нас убедить» [1, с. 288]. В. И. Чернышев говорил об этом явлении сто лет назад, но применительно к проблемам изучения языка: «Практика иногда чрезвычайно легко разрешает вопрос о том, что допустимо и нетерпимо в языке, особенно в школе, где первым и последним критическим судьей является учитель, нередко сам же и создающий кодекс одобряемого, разрешаемого и не допускаемого в речи своих воспитанников. <...> Прежде всего нужно признать, что стилистические мерки и вкусы существуют для известного времени и меняются так же, как меняется язык. Для времен Ломоносова, Карамзина, Пушкина, Тургенева были различные понятия о правильности речи, и, вместе с изменением языка, эти классические писатели в некоторых случаях перестали быть для нас авторитетными; их выражения иногда стали для нас непригодны. Ломоносов, например, допускал сравнительную степень на *-яе (светляе)*, рекомендовал средний род для всех существительных на *-ище (великое домище)*, полагал, что «лутче сказать *толкаячи*, нежели *толкаяя*», и т. п. Очень внимательный к языку Карамзин находил в свое время хорошими нетерпимые теперь формы: *домы, постеля, розница, переображшивая, ярмонка, картеча*» [13, с. 444]. В 1939 году Л. В. Щерба в качестве «непререкаемых классиков нашей литературы» называет в первую очередь «Горького, Чехова, Короленко, Тургенева и Гончарова». Непосвященному читателю может показаться необычным, что Л. В. Щерба не упоминает таких известных авторов, как Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский, но ученый, словно предвидя это недоумение, но не разделяя слепого преклонения перед авторитетами, уточняет: «Я не без умысла назвал именно этих писателей, так как норму искать надо именно у них» [14, с. 10].

Для Потебни «авторитет» справедливо тесно связан с «преданием», то есть с тормозящей прогресс традиционностью. Ученый призывает читателя мысленно перенестись в первобытное состояние общества: «Представим себе, что письменность, печать, школа не существуют. При этом хранителями предания являются преимущественно старики. Они дают тон обществу. Старческий возраст сам по себе располагает к пессимизму. <...> Нравственный перевес старчества, подчинение других возрастов его авторитету являются причиной медленности изменения жизни. Новых данных личного наблюдения и опыта мало. Оборачиваясь назад и глядя в прошедшее глазами стариков, человек подвергается иллюзии вроде той, по которой кажется, что деревья аллеи по мере удаления от нас стоят все теснее. Образы прошедшего служат тогда недостижимыми образцами для подражания. <...> Несамоуверенность мысли заставляет древнего человека искать опоры своему мнению во мнениях упомянутого авторитетного старческого большинства. Период народной поэзии есть время крепкой веры в авторитет» [9, с. 407–408]. В этих наблюдениях Потебни, как и в предыдущем случае, можно видеть не только негативное отношение ученого к слепому подчинению (на этот раз) авторитетам, но и объяснение такого подчинения первобытным состоянием общества, что тоже предвосхищает, вместе с более ранним мнением по этому поводу логиков Пор-Рояля, современные положения теории аргументации.

Таким образом, показанные в статье литературоведческие наблюдения Потебни обнаруживают очевидные корреляции с положениями современных теорий восприятия и аргументации и потому могут рассматриваться как предвестники этих теорий. В целом неудивительно, что научное наследие ученого такого масштаба продолжает приоткрывать свои доселе скрытые грани.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арно А. Логика, или Искусство мыслить, где помимо обычных правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения / А. Арно, П. Николь / [пер. с фр.]. – М.: Наука, 1991. – 416 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Джемс Брунер / [пер. с англ. К. И. Бабицкого]. – М.: Прогресс, 1977. – 413 с.
3. Ивин А. А. Теория аргументации: Учеб. пособие / Александр Архипович Ивин. – М.: Высшая школа, 2007. – 319 с.
4. Меркулов И. П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / Игорь Петрович Меркулов / РАН, Ин-т философии. – Т. 1. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. – 471 с.
5. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / Игорь Петрович Меркулов / РАН, Ин-т философии. – Т. 2. – СПб.: Изд-во РХГА, 2006. – 416 с.
6. Попов С. Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук / Сергей Леонидович Попов. – Харьков, 2015. – 453 с.
7. Попов С.Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / Сергей Леонидович Попов. – Харьков: НТМТ, 2013. – 150 с.
8. Попов С. Л. Русская грамматическая вариантность в когнитивно-эволюционном освещении: Монография / Сергей Леонидович Попов. – Харьков: Миськдрук, 2014. – 304 с.
9. Потебня А. А. Из записок по теории словесности / Александр Афанасьевич Потебня // Потебня А. А. Эстетика и поэтика / [ред. коллегия: М. Ф. Овсянников (пред.) и др.; сост., вступит. статья и примеч. И. В. Иванько и А. И. Колодной]. – М.: Искусство, 1976. – С. 286–461.
10. Потебня А. А. Мысль и язык / Александр Афанасьевич Потебня // Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / [подготовка текста Ю. С. Рассказова и О. А. Сычева; комментарии Ю. С. Рассказова]. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 5–198.
11. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / Александр Афанасьевич Потебня // Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре / [сост., подг. текстов, ст. и коммент. А. Л. Топоркова]. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 5–91.
12. Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления / Александр Афанасьевич Потебня // Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / [подготовка текста Ю.С. Рассказова и О.А. Сычева; комментарии Ю.С. Рассказова]. – М.: Лабиринт, 1999. – С. 199–236.
13. Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев // Чернышев В. И. Избранные труды в 2-х т. / [сост. А. М. Иорданский, В. Г. Костомаров, И. Ф. Протченко; вступит. статья акад. В. В. Виноградова]. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1970. – С. 443–641.
14. Щерба Л. В. Спорные вопросы русской грамматики / Л. В. Щерба // Русский язык в школе. – 1939. – № 1. – С. 10–21.
15. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Карл Ясперс // Ясперс К. Смысл и назначение истории / [пер. с нем.] – М.: Политиздат, 1991. – С. 28–286. – (Мыслители XX века).

(Статья поступила в редакцию 10 января 2016 г.)